

REFERENCES

1. Gian, Bebo. (2011). The verbal and literary foundations of the European opera poetics of the era of romanticism. Candidate's thesis; special.: 17.00.03 — musical art. Odessa, [in Russian].
2. Kuznetsov, N. (2005). Stage performance of an opera artist in the context of the acting school of F. I. Chaliapin: Doctor's thesis; special.: 17.00.02 — musical art. M., URL: <http://www.disserscat.com/content/stsenicheskoe-masterstvo-oper-nogo-artista-v-kontekste-akterskoi-shkoly-fi-shalyapina> [in Russian].
3. Lukin, Yu. (1992). Culture and cultural policy. M.: RAU, [in Russian].
4. Sidorova, M. (2002). Portrait of a hero in the West European opera of the XVII–XVIII centuries: problems of formation and evolution. Candidate's thesis; special.: 17.00.02 — musical art. Magnitogorsk [in Russian].
5. Hoffmann, A. (2008). The Belcanto phenomenon of the first half of the 19th century: composer work, performing art and vocal pedagogy. Candidate's thesis; special: musical art. M. [in Russian].
6. Khokhlovkina, A. (1962). West European Opera. The end of the XVIII — the first half of the XIX century. Essays. M.: Muzgiz [in Russian].
7. Khokhlovkina, A. (1962). German romantic opera. Weber // A. Khokhlovkina. West European Opera. The end of the XVIII — the first half of the XIX century. Essays. M.: Muzgiz, P. 285–326 [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 16.01.2019

УДК 78.03+782.1

DOI: 10.31723/2524–0447–2019–28–1–237–248

Чжао Цзююань

ORCID: 0000–0003–0076–9779

соискатель кафедры истории музыки и музыкальной этнографии

ОНМА им. А. В. Неждановой

672250899@qq.com

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ «АРХЕТИП»: МУЗЫКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Целью статьи является рассмотрение категории «архетип» как одной из ключевых универсалий в современных музыковедческих исследованиях. Методология работы определяется единством психологического, лингвистического, историко-культурологического и музыковедческого аналитического подходов, позволяющих вырабатывать новые пути изучения и осмысления функционирования дефиниции «архетип» как музыковедческой категории. Научная новизна работы связана с изучением исторических, психологических и концептологических параметров

категорії «архетип», позволяючих розглядати цю дефініцію як музичально-культурну універсалью. **Висновки.** Представлення об архетипі, накоплені гуманітарною думкою, і його значення для виявлення процесів, що відбуваються в різних напрямках, визначають універсальні якості категорії «архетип», позволяючі виявляти глибокі структури в розвитку вивченої сфери знання. Вивчення культурних архетипів виявляє те їхні якості, які висувають цю категорію в число найбільш важливих культурних універсалій, визначають ціннісні орієнтири культурного процесу і найбільш важливі для конкретного виду мистецтва смислові домінуючі.

Ключові слова: архетип, культурні архетипи, прототип, первинна основа, «ейдос», теоцентризм, К. Г. Юнг.

Zhao Ziyuan, Applicant of the Department of Music History and Musical Ethnography of ONMA of A. V. Nezhdanova

The discursive basis of studying the «archetype» category: musicological aspect

The purpose of the article is to consider the «archetype» category as one of the key universals in modern musicology research. The methodology of work is determined by the unity of psychological, linguistic, historical, cultural, and musicological analytical approaches that allow us to develop new ways of studying and understanding the functioning of the definition of «archetype» as a musicology category. The scientific novelty of the work is connected with the study of historical, psychological and conceptual parameters of the «archetype» category, allowing us to consider this definition as a musical and cultural universal. Conclusions. The notions of an archetype accumulated by humanitarian thought and its importance for identifying processes occurring in various scientific fields reveal universal qualities of the «archetype» category, which make it possible to detect deep structures in the development of the studied field of knowledge. The study of cultural archetypes reveals those qualities that advance this category among the most important cultural universals, which determine the values of the cultural process and the most important semantic dominants for a particular type of art.

Keywords: archetype, cultural archetypes, prototype, fundamental principle, «eidos», theocentrism, K. G. Jung.

Чжао Цзіюань, здобувач кафедри історії музики та музичної етнології ОНМА імені А. В. Нежданової

Дискурсивні основи вивчення категорії «архетип»: музикознавчий аспект

Метою статті є розгляд категорії «архетип» як однієї із ключових універсалій у сучасних музикознавчих дослідженнях. Методологія роботи визначається єдністю психологічного, лінгвістичного, історичного

ко-культурологічного й музикознавчого аналітичного підходів, що дозволяє виробити нові шляхи вивчення й осмислення функціонування дефініції «архетип» як музикознавчої категорії. **Наукова новизна** роботи пов'язана з вивченням історичних, психологічних і концептологічних параметрів категорії «архетип», що дозволяє розглянути цю дефініцію як музично-культурну універсалію. **Висновки.** Уявлення про архетип, накопичені гуманітарною думкою, та його значення для розуміння процесів, що відбуваються в різних наукових напрямках, мають універсальні якості категорії «архетип», що дозволяють виділити глибинні структури в розвитку досліджуваної сфери знання. Вивчення культурних архетипів виявляє ті їхні якості, які висувують цю категорію у число найбільш важливих культурних універсалій, що визначають ціннісні орієнтири культурного процесу й найбільш важливі для конкретного виду мистецтва смислові домінанти.

Ключові слова: архетип, культурні архетипи, першообраз, першооснова, «ейдос», теоцентризм, К. Г. Юнг.

Актуальность. В гуманитарных исследованиях конца XX — начала XXI вв. наблюдается усиление интереса к категории «архетип», которая трактуется как одна из наиболее важных теорий прошлого, способная стать мощным основанием для решения сложного комплекса вопросов, связанных с определением сущностных оснований культуры. Изучение различных направлений в культуре основывается на тех теоретических построениях, являющихся результатом деятельности различных научных школ, которые концентрируются на изучении характерных для того или иного вида искусства аспектах. Иными словами, с учетом множественности сложившихся представлений о культуре возникла настоятельная необходимость в нахождении универсальных категорий, имеющих одинаково важное значение во всех исследовательских направлениях гуманитарной сферы знаний. Среди ряда базовых понятий, претендующих на подобное универсальное значение для различных направлений гуманитарной мысли, особое значение занимает категория «архетип».

Выявление дискурсивных основ понятия «архетип» в современной музыковедческой, и — шире — искусствоведческой категориально-понятийной системе открывает возможности принципиально обновленного подхода к ряду сложных вопросов, связанных с природой и закономерностями функционирования феноменов художественного творчества, музыкального мышления, творческого сознания, а также проявлениями национально-коллективного и авторски-индивидуального в искусстве.

Целью статьи является рассмотрение категории «архетип» как одной из ключевых универсалий в современных музыковедческих исследованиях. **Методология** работы определяется единством психологического, лингвистического, историко-культурологического и музыковедческого аналитического подходов, позволяющих выработать новые пути изучения и осмысления функционирования дефиниции «архетип» как музыковедческой категории. **Научная новизна** работы связана с изучением исторических, психологических и концептологических параметров категории «архетип», позволяющих рассматривать эту дефиницию как музыкально-культурную универсалию.

Изложение основного материала. Впервые в гуманитарной науке категория «архетип» появляется в текстах античных мыслителей и означает «первообраз, первопричину, первичный тип, прототип, первичную идею, праформу» [5, с. 148], то есть, «будучи праформой сознания, отражает первоначальную рефлексию мира, еще не связанную с эпистемологической рефлексией» [7, с. 38]. Подобная устойчивость архетипа и производного от него архетипического сознания обеспечивает ему положение первого и основного мировоззренческого принципа, который можно рассматривать как основу человеческой культурной деятельности.

Стремление разобраться и объяснить суть категории «архетип» неоднократно становилось важнейшей темой в работах выдающихся мыслителей различных эпох и научных школ. Пояснение и первые попытки категоризации дефиниции «архетип» как первообраза, первоосновы были предприняты еще в античной философии в работах Платона, Филона Александрийского и Плотина; затем были продолжены средневековой религиозной философией — патристикой (в трудах Ириния Лионского и Дионисия Ареопагита); в IX веке новое осмысление первообраза, первичной идеи можно найти в трудах философа-схоластика Иоанна Скота Эриугена, многие из идей которого были продолжены в XIII веке Фомой Аквинатом (Фомой Аквинским); в классической и неклассической философии эта проблема является предметом размышления таких философов как И. Кант, А. Шопенгауэр, Г. Шпет и др. Несмотря на столь продолжительный путь становления, все же окончательная и системная категоризация понятия «архетип» была произведена К. Г. Юнгом, которого по праву называют основателем теории архетипа.

Основываясь на теории К. Г. Юнга, многие исследователи продолжили размышления над проблемой архетипического, и категория

«архетип» претерпела значительные изменения и модификации. Так, в той или иной степени об архетипе говорят в своих работах А. Лосев, Н. Хомский, Ж. Пиаже, С. Аверинцев, В. Топоров, А. Веремьев, М. Мамардашвили, П. Гуревич и многие другие. Следует отметить, что именно работы К. Г. Юнга открывают возможность экспансии категории «архетип» в различные сферы гуманитарного знания, наделяющие понятие в каждом конкретном случае особым содержанием. Подобное содержательно-смысловое наполнение непосредственно связано со спецификой того научного направления, для исследования которого оно применяется (литературоведения, лингвистики, этнографии, социологии, соционики, искусствоведения, музыковедения и др.).

Как указывает в своем исследовании Е. Колчанова, первоначальное понимание категории «архетип» следует начинать с этимологического толкования, которая в переводе с греческого языка буквально означает «первичный образ», «первичный тип» (*arche* — начало и *typos* — образец). В античных философских текстах «архетип» не рассматривается как категория, так как носит характер лексемы [3]. Не случайно А. Лосев, анализируя работы Платона, указывал, что практически во всех своих работах Платон не стремится к введению и обоснованию новых терминов — «нигде Платон ни разу не задался целью продумать эти термины *как термины*» [6, с. 196]. А. Лосев указывает, что работающему с трудами Платона приходится старательно «ловить Платона на слове, подслушивать, подсматривать, всячески ухищряться, чтобы выудить у него ясную трактовку этих терминов» [6, с. 196]. Помимо этого, большинство переводчиков, работающих с античными философскими текстами, придерживались общей закономерности, что при переводе сложносоставного слова определяющей его значение была вторая его составляющая, что, в том числе, объясняет отсутствие прямых указаний на категорию «архетип» в трудах большинства античных философов. Вместо использования понятия «архетип» в переводах в большинстве случаев используется понятие «первообраз».

В историческом пути концептуализации понятия «архетип» можно выделить несколько ведущих периодов — период античной философии, в границах которого понятие «архетип» интерпретируется как идеальный образец, первооснова и первообраз, заданный высшим космическим порядком, базирующимся на представлении о неизменной, вечной идеальной сущности, которая существует до вещей

(Платон) или в вещах (Аристотель) и проявляется в видовых или индивидуальных различиях в качестве идеального прообраза, плана, нормы; период средневековой философии (или теоцентрический период), в рамках которого понятие «архетип» понимается как «божественная идея, ноумен, изначально существующий в уме Бога; рациональный (классическая философия), в рамках которого понятие «архетип» интерпретируется двояко — как естественная (природная) структура и как форма интеллекта; диалогический (неклассическая и постнеклассическая философия), в рамках которого категория «архетип» интерпретируется с позиций эпистемологического плюрализма, то есть обретает полифоническое звучание» [3, с. 9].

При рассмотрении становления категории «архетип» в период античной философии наиболее значимыми для формирования целостного представления об изучаемой категории являются труды Платона, на что указывал и К. Г. Юнг. Основой концепции Платона становится особая модель бытия, противопоставляющая мир идеального космического порядка (мир «эйдосов» или архетипов) и мир земной жизни, мир умопостигаемый и мир чувственный. Как считает К. Г. Юнг, «в философии Платона под архетипом понимается умопостигаемый образец, «эйдос» [11, с. 28].

Платон считал, что истинное познание заключается в познании мира идей «умной частью души», различая при этом плотское и интеллектуальное знания (умственное постижение, мышление). Платоновское учение о припоминании указывает на основную цель познания — припоминание того, что созерцала душа в мире идей, прежде чем она сошла на землю и воплотилась в человеческое тело. Предметы чувственного мира существуют для возбуждения воспоминаний души.

В творениях средневековой патристики и трудах философско-схоластов происходит существенное изменение мировоззренческих установок, обусловленное влияниями христианского учения, что, в свою очередь, сказалось на появлении новых коннотаций понятия «архетип». Главным авторитетом и основным источником истинного знания становятся Евангельские тексты и связанные с ними канонические источники, что обусловило утверждение экзегетики в качестве основного познавательного алгоритма, следствием чего является процесс сближения греческой философии с христианской религиозной мыслью — теологией. Так указывает сформировавшаяся теологическая теория, которая опиралась на уже существующие иудейские

и христианские представления, однако по своей сущности новая теория корнями уходила к идеям и концепциям Платона. В трудах средневековой патристики мы постоянно сталкиваемся с утверждениями о том, что поиск истины, поиск Христа является одновременно возможностью обнаружения «истины Космоса и истины собственного бытия в едином порыве просветления» [9, с. 88].

Искусство в средневековой эстетике представляется как стремление, возможными человеку средствами, отобразить идеальную божественную красоту, божественную первооснову, которую в несколько обобщенно-символическом толковании именуют «идеальным архетипом». Фактически в средневековых богословских трудах понятие «архетип» используется в контексте искусствоведческих умозаключений, в большей степени затрагивающих вопросы иконопочитания. Один из выдающихся восточнохристианских мыслителей, богословов, гимнографов — преподобный Иоанн Дамаскин в своей работе «Три защитительных слова против порицающих святые иконы» указывает, что иконописное изображение «есть подобие с отличительными свойствами *первообраза* (в греческом варианте — архетипа. — *Ч. Ц.*), вместе с тем имеющее и некоторое в отношении к нему различие. Ибо изображение не во всем бывает подобно *первообразу*. Однако Сын есть живое, естественное и во всем сходное изображение невидимого Бога, нося в Себе Самом всего Отца, во всем имея с Ним тождество, различаясь же одним только происхождением [от Него как] от причины» [8]. Иными словами, икона понимается как символическое изображение божественной сущности, которое непостижимым образом связано ней как с первообразом — архетипом, не являясь при этом тождественной Богу. Исходным пунктом и неизменной основой философских штудий средневековых мыслителей оказывается идея божественной сущности, а понятие первообраза — «архетипа» наполняется сакральным смыслом.

Пришедшая на смену средневековой эпоха Возрождения демонстрирует новые подходы к понятию «архетип» и новое его понимание, что обуславливает переплетение и взаимовлияние космоцентрических и теоцентрических философских представлений. С одной стороны, наблюдается обращение к трудам античных философов, воспринимаемых сквозь призму усиления общей тенденции гуманизации культуры, с другой — не утрачивают актуальности темы, связанные со стремлением к постижению сути божественной первоосновы, первообраза как ведущему основанию культуры. Понятие «архетип» используется

в работах многих философов эпохи Возрождения, в том числе в трудах основателя и главы Платоновской академии в Кареджи Марсилио Фичино (Marsilio Ficino), который в своих работах настаивал на том, что истинным предназначением человека является осознание и постижение «архетипов» как проявления божественной воли [10].

В эпоху Просвещения, как известно, многие идеи схоластического и теоцентристского учений подвергаются существенной критике, а в качестве наиболее продуктивных выдвигаются идеи рационализма, позиционирующего главенствующее положение разума в научном познании. В научных трудах Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница и многих других в качестве основы их философского метода оказываются естественнонаучные идеи, в связи с чем понятие «архетип» получает естественнонаучную трактовку, а объективное знание, по мнению большинства мыслителей эпохи Просвещения, является исключительно результатом деятельности разума. Возврат к толкованию «архетипа» как к выражению первообраза, божественного первоначала осуществляется в работах основателя немецкой классической философии — И. Канта.

Развивая идеи Платона, И. Кант указывает на существование «вещи в себе» («вещи самой по себе»), которая выражает истинное бытие и становится определяющим фактором в мире явлений. Вещь в понимании И. Канта представляет собой абсолютную реальность «не такой, какой она нам является (в отличие от феномена), а такая, какая она есть на самом деле. Здесь вспоминаются монады Лейбница или идеи Платона, однако, если мы не хотим впасть в догматизм, необходимо сознавать, что это не более чем аналогии. Вещь в себе по определению непознаваема: как только мы ее познаем, она перестает быть вещью в себе и становится вещью для нас» [4, с. 93]. Переосмысление учения Платона о мире идей и сопоставление его с предложенной И. Кантом концепцией мира вещей приводят к обоснованию последнего существования трансцендентальных концептов, в числе которых оказываются первосущность, первообраз, «архетип», понимаемые философом как проявление высшей реальности. Отметим, что высшая реальность, по И. Канту, может проявляться через «сущность единую, простую, вседвлеющую» — божественную сущность, а «понятие такой сущности есть понятие Бога в трансцендентальном смысле» [1].

В одном из писем, написанном за девять лет до выхода в свет «Критики чистого разума» (1881), И. Кант формулирует основные

идеи своей будущей книги и вводит понятие «*intellectus archetypus*» («*intellectus archetypus*»), «на созерцании которого основываются как сами вещи, так и *intellectus estypus*, почерпывающего данные для своей логической обработки из чувственного созерцания вещей» [2, с. 488]. Таким образом, согласно концепции И. Канта, «*intellectus archetypus*» представляет собой интуитивный божественный рассудок или интеллект-прообраз, порождающий предметы, а «*intellectus estypus*» трактуется им как человеческий дискурсивный рассудок или интеллект-слепок, продуцирующий абстрактные понятия. «Однако наш рассудок через посредство своих представлений не есть причина предмета (кроме тех случаев, когда в области морали речь идет о добрых целях), как и предмет не есть причина представлений рассудка (*in sensu reali*). Чистые рассудочные понятия не должны быть, следовательно, абстрагируемы от ощущения чувств, как не должны они выражать восприимчивость представлений посредством чувств; свои источники они должны иметь, правда, в природе души, однако не в том смысле, что они испытывают воздействие объекта и что они порождают сам объект» [2, с. 488].

В XIX столетии понятие «архетип» начинает активно применяться в естественнонаучных работах, в частности в 1846 году свою трактовку категории «архетип» применительно к естественнонаучным исследованиям предлагает английский ученый-зоолог Р. Оуэн, который на материале исследований скелетов ископаемых животных и сопоставления их с ныне живущими пытается предложить некий идеальный тип скелета. Ученый считал, что исследование современных животных должно происходить путем нахождения соответствия некоему архетипу. Использование категории «архетип» в качестве идеальной универсальной структуры, по мнению Е. Колчановой, в некотором смысле сопоставимо с античной герменевтической трактовкой этого понятия — как первичный текст, исходная структура, а также с трактовкой его французским лингвистом Антуаном Мейе — как праязык, протоязык, первичный язык-основа [3, с. 27].

В XX веке открываются принципиально новые возможности использования категории архетипа, связанные с разработкой и типологизацией категории в работах К. Г. Юнга, в которых впервые понятие «архетип» получает специальное категориальное выражение с соответствующей ему многоуровневой системой представлений о коллективном бессознательном. К. Г. Юнг считал, что через образы (архетипы) коллективного бессознательного находит свое выраже-

ние общечеловеческая символика, к которой автор относил мифы, сказки и т. д. В своей работе «Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного» автор указывает, что применение понятия «архетип» становится чрезвычайно важным для построения его теории, так как, обсуждая содержание коллективного бессознательного, К. Г. Юнг прослеживает его связь с древнейшими «изначальными типами, то есть испокон веков наличными всеобщими образами» [12].

Автор считал, что эта категория применима для обозначения «символических фигур в первобытном мировоззрении» [12] и в случае выражения через мифы или сказки принимает специфические формы, способные сохранять и передавать знания длительное время, то есть архетип принимает «переработанную форму» — «на высших уровнях тайных учений архетипы предстают в такой оправе, которая, как правило, безошибочно указывает на влияние сознательной их переработки в суждениях и оценках» [12]. К. Г. Юнг отмечал, что архетип как таковой имеет принципиальные отличия от переработанных или исторически сложившихся форм — «по существу, архетип представляет то бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным к воспринятым; оно претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает» [12].

Следовательно, в ряде случаев значение понятия «архетип» можно раскрыть через его взаимодействие с мифом, сказкой, тайным учением, однако наиболее трудным заданием, по мнению К. Г. Юнга, становится стремление обосновать его с точки зрения психологии и/или художественного творчества. Исследователь указывает на взаимосвязь художественной и психологической деятельности, которая «покоится на том обстоятельстве, что искусство в своей художественной практике есть психологическая деятельность, и в качестве таковой может и должно быть подвергнуто психологическому рассмотрению» [12]. При подобном подходе к художественному творчеству в целом, и к музыкальному — в частности, психологические установки и методы познания оказываются чрезвычайно важными для изучения процесса художественного творчества. Однако возможность использования указанных познавательных инструментов в изучении процесса творчества ограничивается рассмотрением его психологической составляющей, так как только она «может быть предметом психологии, а никоим образом не та, которая составляет собственное существо искусства; эта вторая его часть наряду с во-

просом о том, что такое искусство само по себе, может быть предметом лишь эстетически-художественного, но не психологического способа рассмотрения» [12]. Тем самым К. Г. Юнг указывает на необходимость особого подхода к изучению категории «архетип» в культурно-историческом контексте, который позволит выделять универсальные архетипические черты, характерные для других областей знания, и одновременно выделять уникальные, присущие только для музыкального творчества архетипы.

Выводы. Представление об архетипе, накопленные гуманитарной мыслью, и его значение для выявления процессов, происходящих в различных научных направлениях, определяют универсальные качества категории «архетип», позволяющие обнаруживать глубинные структуры в развитии изучаемой сферы знания. Изучение культурных архетипов обнаруживает те их качества, которые выдвигают эту категорию в число наиболее важных культурных универсалий, определяющих ценностные ориентиры культурного процесса и наиболее важных для конкретного вида искусства смысловых доминант.

Архетипы в контексте музыкально-культурного процесса функционируют как универсалии художественной культуры и апеллируют к «первообразу» как к проявлению коллективного бессознательного, с одной стороны, с другой — выражают онтологические основания искусства в целом. Сложность изучения архетипов в музыке обусловлена тем, что их выражение непосредственно связано со сложной многоуровневой музыкально-языковой системой музыки, с одной стороны, с другой — с ее семантической составляющей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
2. Кант И. Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия. *Сочинения*: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. 718 с.
3. Колчанова Е. «Архетип» как категория философии культуры: дис. ... канд. филос. наук: 24. 00. 01 — теория и история культуры. Тюмень, 2006. 160 с.
4. Конт-Спонвиль А. Вещь В Себе (Chose En Soi). *Философский словарь*. М., 2012. С. 93–94.
5. Культурология: XX век: словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 630 с.
6. Лосев А. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
7. Матросова Н. Архетип как форма ориентирующего сознания. *Вестник СПбГУ*. Сер. 17. 2013. Вып. 1. С. 38–42.

8. Пр. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tri-zashhititelnykh-slova-protiv-poritsajushhikh-svjatye-ikony/
9. Тарнас Р. История западного мышления («Страсти западного ума»). М.: Крон-пресс, 1995. 448 с.
10. Философия от античности до современности: энциклопедия. М.: Наука, 2004. 700 с.
11. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Канон, 1991. 334 с.
12. Юнг К. Г. Архетип и символ. Об архетипах коллективного бессознательного. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232>

REFERENCES

1. Kant, I. (1994) Criticism of pure reason. M.: Thought [in Russian].
2. Kant, I. (1994) Articles. Lectures. Selected letters. From the manuscript heritage: Works in 8 vols. M.: Choro.Vol. 8. [in Russian].
3. Kolchanova, E. (2006) «Archetype» as a category of philosophy of culture: dis. Cand. filosofovsk. Sciences: 24. 00. 01 — theory and history of culture. Tyumen [in Russian].
4. Cont-Sponville, A. (2012) Thing In Itself (Chose En Soi) // Philosophical Dictionary. M. C. 93–94 [in Russian].
5. Culturology: XX century: Dictionary. (1997) St. Petersburg: University Book [in Russian].
6. Losev, A. (1993) Essays on ancient symbolism and mythology. M.: Thought. [in Russian].
7. Matrosova, N. (2013) Archetype as a form of orienting consciousness // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 17. Issue. 1, p. 38–42 [in Russian].
8. Ave. John of Damascus. Three protective words against censuring holy icons: website. : URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tri-zashhititelnykh-slova-protiv-poritsajushhikh-svjatye-ikony/ [in Russian].
9. Tarnas, R. (1995) History of Western Thinking («Passion of the Western Mind»). M.: KRON-PRESS [in Russian].
10. Philosophy from antiquity to modernity. Encyclopedia (2004). M.: Nauka [in Russian].
11. Jung, K. G. (1991) Archetype and symbol. M.: Canon [in Russian].
12. Jung, K. G. Archetype and symbol. On the archetypes of the collective unconscious: website. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4229/4232> [in Russian].

Стаття надійшла до редакції 26.12.2018